

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1–14

М. Г. Павловец

Творческая рецепция футуристического наследия в поэзии Льва Лосева

Статья посвящена творческой рецепции поэтом Львом Лосевым футуристической традиции словотворчества и деформации слова. В частности, разбираются опыты поэта по «руинированию» слова, его эксперименты в области поэтической дериватологии: создание «самовитых слов» – окказионализмов в духе русских футуристов; образцы анаграммирования и палиндромирования в его стихотворениях; отмечаются особенности их рифмовки и роли в них разного рода «грамматических неправильностей». В статье анализируются функции аллюзивно-реминисцентного поля стихотворения Льва Лосева "Natürlich", связывающего его не только с романами И. С. Тургенева и Л. Н. Толстого, но и с рядом прецедентных для русского футуризма текстов В. Хлебникова и В. Маяковского. В итоге делается вывод, что для поэта 2-й пол. XX в. наследие исторического авангарда начала века представлялось завершенным в себе. Оно может быть объектом напряженной поэтической рефлексии и полемики, даже пародии, но не может быть продолжено.

Ключевые слова: авангардизм, Крученых, Лосев, Маяковский, окказионализм, словотворчество, «филологическая школа», футуризм, Хлебников.

M. G. Pavlovets

Creative Reception of Futuristic Heritage in Lev Losev's Poetry

The article is devoted to creative reception of the futuristic tradition of word creation and word deformation by the poet Lev Losev. In particular, experiments of the poet on word "ruining", his experiments in the field of poetic derivatology are analysed: creation of "self-twisted words" – occasionalisms in the spirit of the Russian futurists; anagramming and palindroming in his poems; features of its rhyming and the role in them of any "grammatical wrong things" are noted. In the article functions of allusion-reminiscential field of Lev Losev's poem "Natürlich" connecting it not only with novels by I. S. Turgenev and L. N. Tolstoy, but also with some precedent for the Russian futurism texts by V. Khlebnikov and V. Mayakovsky are analyzed. As a result there is a conclusion that for the poet of the 2nd half of the XX century the heritage of historical avant-garde of the beginning of the century presented to be finished in itself. It can be an object of intense poetic reflection and polemic, even parody, but can't be continued.

Keywords: avant-guard, Kruchenykh, Losev, Mayakovsky, occasionalism, word creation, "a philological school", futurism, Khlebnikov.

Творчество Льва Лосева, особенно если рассматривать его в контексте так называемой «филологической школы» неподцензурной ленинградской поэзии, весьма соблазнительно воспринимать как одно из ярчайших проявлений «неоклассических традиций» отечественной лирики. Впрочем, по верному замечанию Д. Давыдова, «Неоклассическое понимание поэзии Лосева, собранной в его шести поэтических книгах, часто затмевает истоки этой поэтики: <...> приход "через будетлянство и кубофутуризм" к "Ахматовой и Мандельштаму", будто бы помещающий семантическую поэтику акмеистов на следующий (более высокий) уровень, нежели авангард, – совершенно неадекватный взгляд на возвышенное в стихах Лосева» [1, с. 174]. Нам уже

приходилось писать об особенностях работы Льва Лосева с футуристической традицией (см. [12, 13]), но тема далеко не исчерпана. Данная статья продолжает исследование творческой рефлексии Лосева над наследием русского футуризма.

Так, важнейшая линия, которую можно провести от футуристической традиции к поэзии Лосева, – словотворческая и связанная с ней, если можно так выразиться, «словодеформационная». Лосеву вообще присуща футуристическая склонность как к «руинированию» слова, так и к деривационным экспериментам, количество коих у поэта выходит подчас далеко за границы конвенциональных и для разговорной практики, и для «традиционной» поэтики. В основном, впро-

Подчас деструкция слова выражается у Лосева в его анаграммировании или чтении задом наперед: «Ведь я могу сказать “ревю”, могу сказать “еврю”, / так почему же я одно никак не говорю?» [10, с. 264]; «где вместо марки черной-черный штамп:/ ПРОВЕРЕНО ВОЕННОЮ ЦЕНЗУРОЙ/ ЙОРУЗНЕЦ ЙОННЕОВ ОНЕРЕВОРП» [10, с. 267]; «Как Енфраншиш, вошедший в раж, несла про дьявольский комплот. Я бы сказал: Чиверафаш – Шафаревич, но наоборот» [10, с. 320]. «Крути, как хочешь, русский палиндром / барин и раб, читай хоть так, хоть эдак./ не может раб существовать без бар» [10, с. 166–167].

Этим интересом к анаграммированию и палиндромии Лосев также близок футуристам. Сюда же надо отнести и его любовь к криптограммам: так, в названии «Поэмы без героя» Анны Ахматовой он увидел аббревиатуру «Петербург», чему посвятил не только научную работу [10, с. 54–73], но и стихотворение «ПБГ» [10, с. 112–113]. Данный прием он впоследствии распространяет иронически и на прочие тексты: так, его «пастиш» на материале «Песни о Вещем Олеге» называется «ПВО» – «Песнь Вещему Олегу», а «перепев» ставшей народной песней «Элегии» Александра Аммосова (1858, более известной как «Хас-Булат удалой») называется «ХБ-2» [10, с. 171] – аббревиатура, допускающая прочтение не только как «Хаз-Булат-2», но и «хлопчатобумажный», и «хозблок» (ср. заголовок стихотворения Д. Бурлюка, известного больше как «Каждый молод, молод, молод...»: «И. А. Р.» – «Из Артюра Рембо»).

Можно выявить еще целый ряд параметров, по которым определяется активная работа Лосева с футуристическим наследием его предшественников: отдельного разговора требуют и его рифмы (в частности, пристрастие к консонансным, составным, каламбурным рифмам), и грамматика (вернее, разного рода грамматические неправильности – нарушения сочетаемости, грамматические рассогласования форм и пр.). Не являясь отличительной чертой именно футуристической поэтики, они, будучи рассмотрены системно, репрезентируют «футуристическое письмо», в диалоге с которым Лосев выстраивает собственное творчество. Рецепция «футуристического письма» подразумевает и интертекстуальную работу с конкретными текстами футуристического пантеона, заимствование и реинтерпретацию не только приемов, но и того или иного образа либо отдельного слова или слов. Ограничимся только одним примером, демонстри-

рующим разнообразие форм лосевской работы с конкретными претекстами.

Стихотворение Лосева с немецкоязычным названием «*Natürlich*» отсылает нас как минимум к двум хрестоматийным текстам Велимира Хлебникова – «*О, Достоевскиймо бегущей тучи!*» и «*Кузнечик*». Любопытно, что первая аллюзия являет собой довольно редкий пример интертекстуальных новообразований, которые, по словам Н. А. Николиной, «воспроизводят словообразовательную структуру слова, которая служит приметой какого-либо индивидуального стиля или известного текста» [11, с. 132] – речь идет об окказиональном наречии «болконскиймо» (у Хлебникова «достоевскиймо» скорее все-таки существительное, созданное, как предположил Р. В. Дуганов, по модели слова «письмо» [2, с. 418]). Вторая же аллюзия, напротив, представляет собой обнаружение заложенного в хлебниковском «золотописье» словосочетания «золотое письмо».

При этом, в отличие от данных «бессубъектных» стихотворений, в произведении Лосева лирический субъект отчетливо явлен, более того, соотнесен с литературным персонажем, которого можно считать «протофутуристом» в отечественной словесности – с Евгением Базаровым (подробнее см. [5]): первая же строчка «Утомленный то скукой, то злостью...» содержит аллюзию на слова тургеневского героя-нигилиста «...я чувствую только скуку да злость», произнесенные им Аркадию, когда два приятеля в жаркий полдень отдыхали в тени стога сена (гл. XXI романа). Только если у Тургенева герой, потерпевший неудачу в любви, впервые задумывается о смысле жизни, не находя в своем нигилизме удовлетворительного ответа на этот вопрос, и потому злится, лирический герой Лосева, употребив том Хлебникова в качестве подушки, по видимому, описывает свои чувства, вызванные долгим чтением вроде бы любимого поэта. Перейдя от чтения к созерцанию природы, герой как бы сталкивает в своем сознании две концепции взаимоотношения знака и внезнаковой реальности, одна из которых приписывает тексту свойства реальности, другая – семиотизирует реальность, усматривая в ней текст.

Согласно известной концепции И. Смирнова, развивавшего идеи Д. Лихачева и Н. Панова, чередование этих двух концепций лежит в основе литературной эволюции последних трех веков отечественной литературы, определяя доминирование в ту или иную эпоху то «первичного»

(натурализирующего семиосферу), то «вторичного» (семиотизирующего природу) стиля (см. [15, с. 22–26]). Любопытно, что и та, и другая концепции в творчестве Лосева по отдельности подвергаются ироническому травестированию: над семиотизацией природного мира он посмеялся, к примеру, в стихотворении «Басня» («Один филолог/ взбесился и вообразил, что он биолог./ стал изучать язык дубов и елок» [10; 234], над натурализацией текста – скажем, в стихотворении «...в “Костре” работал. В этом тусклом месте...» из цикла «Продленный день и другие воспоминания о холодной погоде» («...они о тексте, как учил их Лотман,/ судили как о чем-то очень плотном,/ как о бетоне с арматурой в нем» [10, с. 69]). В стихотворении Лосева «Natürlich» аллюзии на произведения Хлебникова также построены по этим двум вышеупомянутым моделям: так, окказионализм «болконскиймо» предлагает ситуацию созерцания неба в положении лежа на спине на лоне природы интерпретировать по аналогии со сценой из романа Л. Н. Толстого, когда раненый Андрей Болконский лежит на поле Аустерлица (в реальном узнается художественный текст). С другой стороны, хлебниковский «Кузнечик» из «Велемира увесистого тома» воплощается в реальном кузнечике, стрекочущем в траве (художественный текст реализуется): золотое письмо здесь – и узор на крыльях кузнечика, и рябь в глазах, уставших от чтения на солнце, – но и текст самого Хлебникова, сквозь призму которого воспринимается реальность.

Таким образом, стихотворение Лосева "Natürlich" – образец метапоэзии, рефлектирующей над природой вдохновенья, которое возникает из «притяжения текста и текста» – столкновения социофизической реальности, воспринимаемой как текст, – и семиосферы текста, воспринимаемой как начало природное. В финальных строках стихотворения сам процесс вдохновения натурализуется, уподобляясь брожению теста (повидимому, метафора из «Облака в штанах» Маяковского, реализующая омонимию слова «брожение»: «прежде чем начнет петься, / долго ходят, размозолев от брожения») – и при этом иронически обыгрывается фамилия Хлебникова (хлеб поэзии печется из теста).

По замечанию Льва Лосева, он – и его товарищи по «филологической школе» в своей творческой эволюции «...от Маяковского шли к Хлебникову и Крученыху, а затем назад уже через Заболоцкого и обериутов, т. е. приобщаясь к

наивысшей иронии и философичности» [8; 11]. Таким образом, для Льва Лосева освоение наследия русского футуризма было наилучшим способом изнутри советской системы двигаться в сторону приобщения к истинной культуре: «Русский футуризм заражал приобщавшихся воинственностью, установкой на эпатаж, т. е. необходимыми душевными качествами, а русский формализм (как теоретический сектор футуризма) обеспечивал универсальный подход, метод, систему» [там же]. Поэт не чувствовал разрыва в преемственности по отношению к футуризму 1910-х гг., так как в своих товарищах по поэтической школе видел прямых наследников будетлян: не случайно в стихотворении «Памяти Михаила Красильникова» он обращается к товарищу: «Ну, как там, в будущем, дружище-футурист?» [10, с. 411], а в «Прогулках с Ереминым» так описывает свой променад с другом по набережной: «Горизонт наш кругл и вогнут, / широка река / и пучок моркови воткнут / в лацкан сюртука» [10, с. 430]. Однако, в отличие от своих товарищей-неофутуристов, а также от таких продолжателей футуристической линии в поэзии 2-й половины XX в., как поэты-трансфуристы или др., свою творческую программу Лосев выстроил в диалоге с программой футуристической, ревизуя и архивируя ее наследие, но не претендуя на ее продолжение. По сути, для Лосева эта программа завершена так же, как и программа символистическая или, скажем, романтическая: она может быть объектом напряженной поэтической рефлексии и полемики, даже пародии, но не может быть продолжена, ибо любое продолжение будет иметь такое же отношение к историческому футуризму, какое имеют сувениры в туристической лавке современных Афин или Рима к шедеврам античного искусства.

Библиографический список

1. Давыдов, Д. Ненарочитый поэт [Текст] / Д. Давыдов // Новое литературное обозрение. – 2009. – № 5 (99). – С. 173–176.
2. Дуганов, Р. В. Краткое «искусство поэзии» Хлебникова [Текст] / Р. В. Дуганов // Известия АН СССР. Серия литературы и языка, 1974. – Т. XXXIII, № 5. – С. 418–427.
3. Зубова, Л. В. Языки современной поэзии [Текст] / Л. В. Зубова. – М.: Новое литературное обозрение, 2010. – 384 с.
4. Иванюшина, И. Философия и поэтика ошибки в художественной системе русского футуризма [Текст] / И. Иванюшина // Александр Введенский и русский авангард : материалы междунар. науч. конф. /

под ред. А. Кобринского. – СПб.: ИПЦ СПГУТД, 2004. – С. 110–114.

5. Йованович, М. Базаров и Маяковский [Текст] / М. Йованович // Избранные труды по поэтике русской литературы. – Белград: Изд-во филологического факультета в Белграде, 2004. – С. 63–83.

6. Крученых, А. Апокалипсис в русской литературе [Текст] / А. Крученых. – М., 1923. – 47 с.

7. Крученых, А., Хлебников В. «Слово как такое» [Текст] (О художественных произведениях) / А. Крученых, В. Хлебников // Русский футуризм: Теория. Практика. Критика. Воспоминания / сост. В. Н. Терехина, А. П. Зименков. – М.: Наследие, 1999. – С. 46–49.

8. Лосев, Л. Тулупы мы [Текст] / Лев Лосев // «Филологическая школа». Тексты. Воспоминания. Библиография. – М.: Летний сад, 2006. – С. 11–23.

9. Лосев, Л. Солженицын и Бродский как соседи [Текст] / Лев Лосев. – СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2010. – 608 с.

10. Лосев, Л. Стихи [Текст] / Лев Лосев. – СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2012. – 600 с.

11. Николина, Н. А. Словотворчество в поэтической речи [Текст] / Н. А. Николина // Динамика формы художественного текста: стих, проза, драма в конце XX – начале XXI века. – Halle. – 2009. – С. 119–133.

12. Павловец, М. «Пустотные» тексты и рефлексия «пустотности» в поэзии Льва Лосева [Текст] / Михаил Павловец // Стих. Проза. Поэтика. Сборник статей в честь Ю. Б. Орлицкого. – New York: Ailuros Publishing, 2012. – С. 258–264.

13. Павловец, М. Некоторые наблюдения над рецепцией «футуристического письма» в поэзии Льва Лосева [Текст] / Михаил Павловец // Русский Харбин, запечатленный в слове. Вып. 6. К 70-летию профессора В. В. Агеносова : сборник научных работ. – Благовещенск, Амурский гос. ун-т, 2012. – С. 96–106.

14. Сигей, С. Эгофутурналия без смертного колпака [Текст] / Сергей Сигей // Гнедов Всилиск : собр. стих-й / вступ. ст., подг. текста и коммент. С. Сигея. Тренто, Университет Тренто. – 1992. – С. 7–27.

15. Смирнов, И. П. Метаистория [Текст] / И. П. Смирнов // К исторической типологии культуры. – М.: Аграф, 2000. – 544 с.

16. Терентьев, И. Маршрут шаризны. Изумрудные подробности [Текст] / Игорь Терентьев // Феникс. – 1919. – № 1. – С. 5–6.

Bibliograficheskiy spisok

1. Davydov, D. Nenarochityj poeht [Текст] / D. Davydov // Noyoe literaturnoye obozrenie. – 2009. – № 5 (99). – С. 173–176.

2. Duganov, R. V. Kratkoye «iskusstvo poehzii» KHlebnikova [Текст] / R. V. Duganov // Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka. 1974. – Т. XXXIII, № 5. – С. 418–427.

3. Zubova, L. V. YAzyki sovremennoj poehzii [Текст] / L. V. Zubova. – М.: Noyoe literaturnoye obozrenie, 2010. – 384 s.

4. Ivanyushina, I. Filosofiya i poehtika oshibki v khudozhestvennoj sisteme russkogo futurizma [Текст] / I. Ivanyushina // Aleksandr Vvedenskiy i russkiy avangard : materialy mezhdunar. nauch. konf. / pod red. A. Kobrin-skogo. – SPb.: IPTS SPGUTD, 2004. – С. 110–114.

5. Jovanovich, M. Bazarov i Mayakovskij [Текст] / M. Jovanovich // Izbrannyye trudy po poehtike russkoy literatury. – Belgrad: Izd-vo filologicheskogo fakul'teta v Belgrade, 2004. – С. 63–83.

6. Kruchenykh, A. Apokalipsis v russkoy literature [Текст] / A. Kruchenykh. – М., 1923. – 47 s.

7. Kruchenykh, A., KHlebnikov V. «Slovo kak takoye» [Текст] (O khudozhestvennykh proizvedeniyakh) / A. Kruchenykh, V. KHlebnikov // Russkiy futurizm: Teoriya. Praktika. Kritika. Vospominaniya / sost. V. N. Terekhina, A. P. Zimenkov. М.: Nasledie, 1999. С. 46–49.

8. Losev, L. Tulupy my [Текст] / Lev Losev // «Filologicheskaya shkola». Teksty. Vospominaniya. Bibliografiya. – М.: Letnij sad, 2006. – С. 11–23.

9. Losev, L. Solzhenitsyn i Brodskij kak sosedi [Текст] / Lev Losev. – SPb.: Izd-vo Ivana Limbakh, 2010. – 608 s.

10. Losev, L. Stikhi [Текст] / Lev Losev. – SPb.: Izd-vo Ivana Limbakh, 2012. – 600 s.

11. Nikolina, N. A. Slovtvorchestvo v poehticheskoj rechi [Текст] / N. A. Nikolina // Dinamika formy khudozhestvennogo teksta: stikh, proza, drama v kontse XX – nachale XXI veka. – Halle. – 2009. – С. 119–133.

12. Pavlovets, M. «Pustotnyye» teksty i refleksiya «pustotnosti» v poehzii L'va Loseva [Текст] / Mikhail Pavlovets // Stikh. Proza. Pohtika. Sbornik statej v chest' YU. B. Orlitskogo. – New York: Ailuros Publishing, 2012. – С. 258–264.

13. Pavlovets, M. Nekotorye nablyudenie nad reitseptsiej «futuristicheskogo pis'ma» v poehzii L'va Loseva [Текст] / Mikhail Pavlovets // Russkiy KHArbin, zapechatlennyj v slove. Vyp. 6. K 70-letiyu professora V. V. Agenosova : sbornik nauchnykh rabot. – Blagoveshhensk, Amurskiy gos. un-t, 2012. – С. 96–106.

14. Sigej, S. EHgofuturnaliya bez smertnogo kolpaka [Текст] / Sergej Sigej // Gnedov Vsilisk : sobr. stikhj / vstup. st., podg. teksta i komment. S. Sigeja. Trento, Universitet Trento. – 1992. – С. 7–27.

15. Smirnov, I. P. Metaistoriya [Текст] / I. P. Smirnov // K istoricheskoy tipologii kul'tury. – М.: Agraf, 2000. – 544 s.

16. Terent'ev, I. Marshrut sharizny. Izumrudnye podrobnosti [Текст] / Igor' Terent'ev // Feniks. – 1919. – № 1. – С. 5–6.